

«Она и оставляла его для тебя... Конечно, должна отдать. Однако, старуха хочет задать тебе несколько вопросов». — старуха достала из-за пазухи письмо и положила его на прилавок, но передавать сразу не собиралась.

Поняв, что, вероятно, наставница дала какие-то указания, Ли Чжао кивнула и согласилась.

«Девочка, зачем ты пришла в мир боевых искусств?»

«Зачем? Конечно, чтобы найти наставницу». — Ли Чжао не понимала, к чему этот вопрос, но ответила честно.

«Найдёшь, и что потом?»

Потом... Честно говоря, Ли Чжао не задумывалась об этом подробно. Может, она вернётся с наставницей в Бамбуковую рощу в Юньчжуне, может, они вместе будут странствовать по речному миру... В любом случае, она будет слушаться наставницу...

Ли Чжао замолчала. Она вдруг вспомнила, как в Подземном дворце Безымянный спросил её: «Если однажды те, на кого ты можешь опереться, исчезнут, что ты будешь делать?»

Тогда Ли Чжао не смогла ответить. Ей казалось, что такого не случится, нет, она не допустит, чтобы с наставницей что-то произошло. Но, попав в Фэнлин, войдя в Фэнчэн, даже при всей своей простоватости она видела: все эти люди речного мира в Фэнчэне собрались, чтобы покарать Великого Демона Цзян Чжао. Наставница уже оказалась в смертельно опасном месте.

Даже если, найдя наставницу, Ли Чжао будет изо всех сил спасать её, исход никто гарантировать не может. Вполне возможно, будет как тогда с Линлун — она окажется бессильной, и более того, тот, кого она хотела спасти, спасёт её саму...

Сжав кулаки, Ли Чжао ощутила в груди бурю сильнейшего негодования.

В момент гибели Линлун Ли Чжао могла обманывать себя, говоря: это Небесная Воля, это естественный путь, то, что силам человека не изменить. Но наставница? Если наставница умрёт, сможет ли она продолжать самообман? Станет ли она копить ненависть, творя убийства, или погрузится в скорбь, сломившую её дух? Что она тогда будет делать...

Видя, что Ли Чжао не отвечает, старуха вздохнула: «Эх, девочка, возвращайся, не ступай более в мир боевых искусств... Кхе-кхе, это последнее желание твоей наставницы Цзян Чжао».

«Последнее... Что ты сказала, последнее? Что с моей наставницей?!» — Ли Чжао бросилась к старухе, её лицо невольно исказилось от гнева.

Тут же она протянула руку, желая схватить старуху, но замерла в воздухе и в конце концов опустила, однако сжала в кулак, что не мог не дрожать.

Старуха по-прежнему оставалась невозмутимой. Она смотрела в полные ярости глаза Ли Чжао и сказала: «Её меч сломан. Срок её судьбы должен был истечь давно, но она продержалась больше десяти лет... Алая Звезда уже померкла. Фэнлин — её последнее расположение, здесь она всё завершит».

«Что это значит?» — Ли Чжао крепко сжала брови, зубы её дрожали, неясно, от гнева или от уже возникшего предчувствия и страха.

«Смутные времена. Цзян Чжао несёт на себе Алую Звезду, её предназначение — стать краеугольным камнем, завершающим смутные времена, принять на себя бедствия ради Ало-Лазурной Звезды, дабы уберечь Ало-Лазурную Звезду от падения, пока она не окрепнет. Кхе-кхе, она уже сделала это, но... уж больно она алчна, захотела взять на себя и Небесную Волю Ало-Лазурной Звезды. Иными словами, ради тебя она ведёт последнюю игру с Небом, девочка...»

Услышав это, Ли Чжао не могла не изумиться. Она не понимала, что значат все эти слова старухи о звёздах и прочем. Единственное, что Ли Чжао уловила, — похоже, наставница ради неё оказалась в смертельной ловушке, а она-то переживала, что будет делать, если наставницы не станет?

Хм, до чего же эгоистично!

Вцепившись в одежду у сердца, Ли Чжао закачалась, лишь упёршись левой рукой в прилавок, она не упала.

«Все люди эгоистичны... Если бы сердце Цзян Чжао не умерло, она, возможно, и не стала бы ради тебя ставить на кон жизнь в этой игре. Более того, если бы ей пришлось выбирать между той Лазурной Звездой и страдающим в смутные времена народом, она наверняка выбрала бы первое.

Девочка, ты не божество и не будда, ты всего лишь „человек“, случайно принявший на себя Небесную Волю... Тебе следует нести не высокомерие „страдать, но не быть мудрецом“, а, неся память об ушедших, идти своим путём! Кхе-кхе-кхе...»

Старуха говорила несколько возбуждённо, не избежав приступов кашля. В свете свечей белых нитей становилось всё больше, а её взгляд — всё тусклее.

Ли Чжао подняла голову, её полные жизни, пылающие глаза встретились с тусклыми старческими. Спустя некоторое время её взгляд наконец стал твёрдым, и она пошевелила губами.

«Благодарю за наставление, у меня есть ответ. Я не сдамся просто так. Будь то Небесная Воля или знамения звёзд — я обязана побороться. Признаю, это жестоко, и я знаю, что наставница всё это время несла на себе что-то, в её сердце всегда звучали рыдания, я на самом деле всегда это слышала... Но я не могу смотреть, как она идёт на верную гибель. Даже если ради... себя самой, я должна увидеть её, должна изо всех сил вырвать её оттуда!»

Неопределённость в глазах Ли Чжао исчезла, и этот яркий огонь согрел и утешил умирающую.

Потянув морщинистую кожу, старуха улыбнулась — старческой, но при этом чистой, как у младенца, улыбкой. Она убрала с письма руку, сухую, как ветка, и сказала Ли Чжао: «Желаю тебе обрести то, чего жаждешь, девочка...»

Едва слова были произнесены, свеча догорела до конца.

В полумраке Ли Чжао спрятала письмо, затем, сложив ладони, глубоко поклонилась этой старухе, ждавшей её долгое время.

Снаружи завывал леденящий ветер, лишь два фонарных огонька покачивались, провожая спину уходящего. Затем ветер дунул, разорвал фонари и погасил свет.

На самом западном краю Фэнчэна находился обветшалый городской посёлок. После одного пожара это место наполнилось дыханием смерти, и лишь одна аптека, готовящая снадобья для умерших, ещё зажигала фонари. Но полмесяца назад и это место в конце концов погрузилось в безмолвие.

Ходили слухи, что полмесяца назад Цзян Чжао появлялась в той продуваемой ледяными ветрами аптеке, потому многие днём приходили искать, но видели лишь мрачные заросшие могилы, ни единой живой души.

А в той легендарной аптеке остался лишь один испутивший дух старый остов, сидевший у двери и смотревший вдаль, словно всё ещё живой, словно всё ещё кого-то ждущий.

Ни у кого не хватило смелости тревожить духов, потому никто и не забрал оставленное Цзян Чжао письмо, и уж точно никто не ожидал, что спустя полмесяца аптека откроется в последний раз...

Под бесчисленными сияющими звёздами.

****Авторское примечание:****

Ежедневно благодарю всех ангелочков, что добавляют в закладки и оставляют комментарии~~(□▽□)/~

О Лазурной и Алой Звездах позже будут главы с объяснениями, так что здесь не буду подробно останавливаться (*~□~*)

Кстати, раз уж дочитали сюда, неужели не хотите оставить след? Бросить цветочек тоже сойдёт~ Так хочется снова повертеться от радости (*ω□*)

Выкладываю заново, не знаю, не столкнулась ли с багом черновика_

Второй день Собрания Героев, в предрассветный час, в полуразрушенном доме на юго-восточном углу Фэнчэна.

Бай Цин заранее привела себя в порядок и сварила рисовую кашу на завтрак.

Вокруг царил тишина, лишь изредка раздавался стук ложки о миску, когда одинокая едок трапезничала. В это время за окном вновь поднялся ветер, заставляя листья недовольно шептаться, но вскоре стих, и воцарилась гробовая тишина, что было несколько жутковато.

Бай Цин по-прежнему пребывала в безмятежности, доедая кашу. Подчистив со дна миски последние рисинки, она отставила миску и ложку, достала платок, вытерла губы, затем слегка кашлянула и произнесла: «Входи».

Раздался скрип, в комнату ворвался холодный ветер, принеся с собой чёрную тень.

«Не думала, что ты придёшь так „рано“».

Не глядя на тень, Бай Цин уставилась на дочиста выскобленное дно миски, словно была хорошо знакома с незваной гостьей.

Тень не ответила сразу, а бесшумно сделала два шага в её сторону, одновременно обнажив

холодный короткий клинок.

Почуввав неладное, Бай Цин слегка приподняла уголки губ и сказала: «Советую не тратить силы понапрасну. Если хочешь исправно служить своей госпоже, спрячь когти, иначе твои более дружелюбные приятели не останутся в стороне».

Едва слова смолкли, тень замерла на месте, её взгляд стал настороженным, она забегала глазами по сторонам.

«Хе-хе, не нервничай, они уже ушли. Ты — четвёртая». — Бай Цин отодвинула миску с ложкой в сторону, затем налила две чашки горячего чая, одну поставила перед собой, другую — напротив, нарочно позволив чашке стукнуться о стол.

Увидев это, тень поняла её намёк, убрала клинок и села напротив.

Из-за полумрака Бай Цин не могла разглядеть лицо тени, но чувствовала, что та ещё молода, а исходящая от неё острота колет кожу — совсем неискушённая.

«Ты из Башни Скрытой Крови?»

Тень помедлила, затем кивнула.

«Я распространяла весть, приглашая на встречу управляющего. Почему прислали тебя?»

Тень уставилась на неё, помолчала и ответила: «Госпоже неудобно прибыть».

<http://bllate.org/book/16264/1463536>